

DOI 10.25991/VRHGA.2019.19.3.013

УДК 1(091)

Е. Ю. Машукова*

О СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. И. ГЕРЦЕНА

В статье предлагается критический анализ репрезентации образа Герцена в различных источниках: научных статьях, учебниках и публицистике. Автор отмечает, что источником негативной репрезентации Герцена являются определенные перемены в нашей стране, изменившие настроение части постсоветской интеллигенции. Современные исследователи в сущности повторяют аргументацию консервативно настроенной части русского общества второй половины XIX в. Предметом критики по-прежнему являются по существу биография и политическая деятельность Герцена, а не его тексты. Недостаток данного подхода в том, что он не позволяет нам увидеть социальную укорененность тех идей, которые Герцен отстаивал: попытка рассмотреть мировоззрение Герцена через его биографию по существу обесценивает его мысли. Герцену приписывают русофобию, пораженческие настроения в ходе Крымской войны, то, что свою революционную пропаганду, подрывающую государственные устои России, он вел на деньги Ротшильда, предательство русских интересов во время польского восстания, в «призыве к топору» из Лондона (когда ему самому ничего не угрожало) и даже поддержку Нечаева...

Ключевые слова: Герцен, русофобия, Крымская война, Польша, Ротшильд, Нечаев.

E. Y. Mashukova

ON CONTEMPORARY INTERPRETATIONS OF THE LIFE AND WORKS OF A. I. HERZEN

The article offers a critical analysis of the representation of the image of Herzen in various sources: scientific articles, textbooks and journalism. The author notes that the source of Herzen's negative representation is certain changes in our country, which changed the mood of the post-Soviet intelligentsia. Modern researchers in fact repeat the arguments of the conservative-minded part of the Russian society of the second half of the XIX century. The subject of criticism is still the biography and political activity of Herzen, not his texts. The disadvantage of this approach is that it does not allow us to see the social rootedness

* Машукова Елена Юрьевна, кандидат философских наук, доцент, Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского; lilacrainbow@yandex.ru

of the ideas that Herzen advocated: an attempt to consider Herzen's worldview through his biography essentially devalues his thoughts. Herzen is credited with Russophobia, defeatist sentiments during the Crimean war, the fact that his revolutionary propaganda, undermining the state foundations of Russia, he led to the money of Rothschild, the betrayal of Russian interests during the Polish uprising, in the "call to the axe" from London (when himself was not threatened) and even support Nechayev...

Keywords: Herzen, Russophobia, Crimean war, Poland, Rothschild, Nechayev.

То, что мыслящие люди прощали Аттиле, Комитету общественного спасения и даже Петру I, не простят нам.

А. И. Герцен. «К старому товарищу»

Предметом данного исследования является критический анализ репрезентации образа Герцена сегодня, так, как он создается в различных источниках: научных статьях, учебниках и публицистике, с целью понять типичные аргументативные ходы, которые предпринимаются в критике Герцена.

В последние несколько лет фигура Герцена все чаще всплывает как объект для разного рода моральных суждений, чаще всего негативных. Что с Герценом связано такое, что в последнее время мы сталкиваемся со шлейфом таких оценок?

Есть мыслители и общественные деятели, которые служат как бы водоразделом общественного мнения. По оценке таких личностей (например, Ленина, Сталина) можно многое понять о человеке: если человек положительно оценивает деятельность Сталина, значит, он не поддерживает, в частности, идею правового государства (и это, конечно, еще очень мягко сказано).

Представляется, что мнение людей об исторических личностях говорит не столько об этих исторических личностях, сколько об эпохе, в которой живут сами исследователи. В этом смысле срез мнений о Герцене может быть интересен в том отношении, что он дает нам некое представление о том, как общество себя описывает и понимает. Характерным рассуждением подобного типа является высказывание известного исследователя творчества Герцена историка Натана Эйдельмана, который как-то сказал о том, что «Герцен актуален, пока люди не свободны». Возможно, тот факт, что в последнее время Герцен все чаще трактуется в негативном ключе, является тревожным симптомом российского общества...

В этой связи определенный интерес представляет источник той или иной репрезентации образа Герцена. Например, что может быть материалом для негативного описания Герцена — его биография или его тексты?

Может статься, что во многом биография, в России вообще негативно относятся к людям, которые уехали за границу и остались там; кстати, и сам Герцен писал о том, что ни в одной европейской стране не придают такого негативного значения факту эмиграции, как в России: уехал в Европу и оттуда критикует Россию? Однозначно — предатель и русофоб, т. к. не раз позволял себе нелицеприятно высказываться о своей стране, т. е. говорить об отсутствии политических свобод, произволе самодержавия, наличии жесточайшей цензуры и бесправном положении подавляющего большинства населения страны (но это обстоятельство, как правило, критиками во внимание не берется).

Потому еще думается, что биография, что как в XIX в. тексты Герцена мало кто читал в силу их недоступности (цензурного запрета — первое издание сочинений Герцена (в 10 томах) осуществил его душеприказчик, философ-позитивист Г. Н. Вырубов в 1875–1879 гг. в Женеве, в России сочинения А. И. Герцена и его переписка с Н. А. Захарьиной (в 7 томах) изданы Ф. Павленковым в 1905 г., а полное собрание сочинений и писем (в 22 томах) изданы М. К. Лемке в 1919–1925 гг.), так и сейчас его мало кто читает, во-первых, потому, что написал Герцен довольно много (последнее академическое издание его сочинений составило 30 томов), да и слишком велик шлейф, оставленный советскими исследователями, превратившими Герцена в скучный и в целом не очень интересный персонаж. Впрочем, не в моде сейчас Александр Иванович, в моде В. Розанов, И. Ильин... Следует согласиться с профессором М. Маслиным, который пишет:

К сожалению, справедливое отношение к личностям, олицетворяющим русское философское наследие в его полном, без изъятий объеме, и в наши дни встречается нечасто, оттого Герцен сегодня не является «героем нашего времени» подобно ряду других русских философов — идейных лидеров интеллигенции девятнадцатого столетия [14, с. 152].

Данным обстоятельством можно объяснить и тот факт, что Герцен мало кого интересует как мыслитель, и его философские размышления остаются, как правило, в тени его громкой политической деятельности и яркой биографии.

Но если раньше (в XIX–XX вв.) были актуальны споры о том, кем является Герцен — революционером или либералом, националистом или гражданином мира (по словам Достоевского), то в настоящее время он, кажется, интересует исследователей в первую очередь не как мыслитель, и даже не как политический деятель, а как человек со своими слабостями и недостатками. Герцена уличают во лжи, скупости, хвастовстве и вообще в неискренности и излишней самовлюбленности, вызванной уязвленным самолюбием, вследствие незаконно-рожденного происхождения.

То есть происходит определенная психологизация интеллектуального наследия Герцена, в свое время блестяще осуществленная британским исследователем М. Малиа, который полагал, что «идея социализма зародилась не столько по причине физического угнетения рабочих, сколько по причине нравственного угнетения интеллектуалов» [13, с. 39]. Основная мысль М. Малиа состоит в том, что бурная политическая деятельность Герцена была обусловлена его уязвленным самолюбием.

Недостаток данного подхода в том, что он не позволяет нам увидеть социальную укорененность тех идей, которые Герцен отстаивал: попытка рассмотреть мировоззрение Герцена через его биографию по существу обесценивает его мысли. Личность мыслителя и то, что он написал, это ведь не одно и то же, правда?

Подобного рода исследователи создают определенный нарратив о Герцене. Эмоционально они заведомо относятся к Герцену негативно, поэтому специально замалчивают те факты, которые нарушали бы эту негативную картину. Прием, который, кстати, сам Герцен называл «намеренным непониманием».

И здесь можно возразить, что, любое исследование является, в конечном счете, интерпретацией и созданием определенного нарратива, но когда замалчиваются определенные факты с целью создания негативного образа мыслителя, который всё-таки трактовался всегда как положительный, хотя и противоречивый герой, то тогда картина всё-таки складывается иная. Прием довольно простой: можно бесконечно цитировать противников Герцена, а таковых у него и при жизни было немало (М. Катков, М. Погодин, С. Шевырев, М. Дмитриев, Ф. Булгарин, М. Греч, Б. Чичерин), и не приводить ответы Герцена на их критику.

И последнее наблюдение: о Герцене до сих пор пишут как об актуальной политической фигуре, не обращая внимания на увеличивающуюся историческую дистанцию, его вырывают из контекста второй половины XIX столетия, времени революционного движения и революционной пропаганды, охватившего не только Россию, но и Европу.

Герцену приписывают русофобию, пораженческие настроения в ходе Крымской войны, и то, что свою революционную пропаганду, подрывающую государственные устои России, он вел на деньги Ротшильда (читай: мирового сионизма), и даже связи с британской разведкой...

Прежде чем перейти к рассмотрению наиболее часто встречающихся аргументов и обвинений против Герцена, необходимо отметить, что для того, чтобы проверить их достоверность, автором было предпринято обращение прежде всего к текстам самого Герцена, а также свидетельствам его современников и архивным материалам.

Герцен как мифотворец

Как известно, главным источником биографических сведений о Герцене являются его мемуары «Былое и думы». Современные исследователи ставят под сомнение достоверность данного источника. Так, В. К. Кантор пишет:

Особое место в его прозе занимают его мемуары, пожалуй, главная книга его жизни, где он не только защищал себя от наветов, но и строил свой образ, каким романтический автор хотел явиться миру. Эта книга удивительный сплав реальности и мифа, действительно, как в платоновских диалогах [9, с. 193].

И далее:

Каждый текст Герцена — это вызов общественному мнению и создание мифа своей жизни, мифа ориентированного на западного читателя. Здесь и преувеличение своего антиправительственного поведения и тяжести наказания (хотя в ссылке он был на вполне приличных чиновных местах, мог писать и писал). Но перед западным читателем надо было предстать более несгибаемым, да и режим представить более жестоким, чем он был на самом деле, необходимо было самосозидание образа героя [9, с. 194].

Итак, первый миф Герцена заключается в том, что он преувеличил свое антиправительственное поведение и тяжесть наказания за него.

Обратимся к фактам: 24 июня 1834 г. студенты — выпускники университета устроили пир в честь окончания alma mater. Пели песни, в т. ч. оскорбляющие

достоинство императора. Разбили бюст императора. Среди приглашенных оказался тайный агент полиции. Так появилось раздутое полицией «Дело о лицах, певших в Москве пасквильные стихи». Ни Герцена, ни Огарева на этой пирушке не было. Но сначала арестовали Огарева, потом Герцена, фактически за то, что (в частной переписке) они обменивались мнениями о сен-симонизме. Время было неспокойное (не так давно произошли Июльский переворот во Франции, Варшавское восстание, жестоко подавленное царизмом), царь, что называется, «дул на воду», так что была образованна целая комиссия по расследованию этого дела. Кстати сказать, народ в комиссии подобрался разный: московский комендант К. Г. Стааль, «храбрый генерал», позволил себе усомниться в правильности вины арестантов «в каких-то полувывисказанных мнениях, за которые судить и трудно и смешно», и вступил в схватку с самим А. Ф. Голицыным. Не отступил и перед самим императором, прямо заявив: «...моя совесть восстает против того, что делается в комиссии» [3, т. 8, с. 204].

Как ни старалась комиссия, никаких следов тайного заговора не было обнаружено. Тем не менее Герцен был охарактеризован как «смелый вольнодумец, весьма, опасный для общества» и переведен из Пречистенской части в Крутицкие казармы, где он проведет целых 9 месяцев в одиночной камере, где была промозглая сырость, кровать без тюфяка, тараканы, и отсутствие форточки (однажды чуть не задохнулся угарным газом). В 9 вечера тушили свечу, и до 8 утра приходилось сидеть в темноте, каждые 15 минут происходила громоподобная переключка часовых, во двор на прогулку под конвоем один раз в сутки, посетители не допускались [3, т. 8, с. 196–197]. Девять месяцев настоящей тюрьмы за личную переписку! Конечно, Герцен преувеличил тяжесть наказания...

Герцен и присвоение судьбы Достоевского

Наиболее тяжелое обвинение из тех, что предъявляется Герцену, состоит в том, что Герцен цинично присваивает себе судьбу Достоевского, судьбу петрашевцев: «Стоит привести его слова, где он с мушкетерской легкостью персонажа Дюма как бы между прочим приписывает себе тот приговор, который на самом деле пережили петрашевцы и великий писатель Достоевский», — пишет В. Кантор [9, с. 194] и приводит известные высказывания из работы Герцена «О развитии революционных идей в России»:

В 1834 г. и нас, моих друзей и меня, бросили в тюрьму, а спустя 8 месяцев сослали писцами в канцелярии отдаленных губерний. Нас обвинили в *намерении* создать Тайное общество и желании пропагандировать сен-симонистские идеи; нам прочитали в качестве скверной шутки смертный приговор, а затем объявили, что император по своей поистине непростительной доброте, приказал подвергнуть нас лишь исправительному наказанию, это наказание длилось более 5 лет [3, т. 7, с. 465].

По этому поводу В. Кантор замечает:

Это непростительное заимствование чужой трагедии, при этом он совсем не чувствует реальный ужас действительного ожидания казни на плацу, а потом многолетней каторги и солдатчины! ... Это не может не выглядеть кощунством. Желание казаться — страшная сила в общественной жизни. Собственно, уже

в этом желании ясен элемент безумия. Герцен — один из первых удачливых шоуменов, создавших миф своей жизни. Интересно, заметил ли это присвоение его судьбы Достоевский. Если заметил, то многое негативное в его отношении к Герцену понятно [9, с. 194].

Серьезное обвинение, но дело в том, что Герцен вовсе не присваивал себе судьбу Достоевского, обратимся к еще одному его тексту, где Герцен описывает ту же историю, это «Былое и думы»:

...пришел наш черед. Оранский протер очки, откашлянул и принялся благоговейно возвещать высочайшую волю. В ней было изображено: что государь, рассмотрев доклад комиссии и взяв в особенное внимание младые лета преступников, повелел под суд нас не отдавать, а объявить нам, что по закону следовало бы нас как людей, уличенных в оскорблении величества пением возмутительных песен, — **лишить живота**. А в силу других законов сослать на **вечную каторжную работу** (курсив мой. — *Е. М.*). Вместо чего государь в беспредельном милосердии своем большую часть виновных прощает, оставляя их на месте жительства под надзором полиции. Более же виноватых повелевает подвергнуть исправительным мерам, состоящим в отправлении их на бессрочное время в дальние губернии на гражданскую службу и под надзор местному начальству. Этим более виновных нашлось шестеро: Огарёв, Сатин, Лахтин, Оболенский, Сорокин и я [3, т. 8, с. 215].

Чтобы окончательно развеять сомнения, читаем «О развитии революционных идей в России» дальше, и в главе «эпилог» Герцен как раз и пишет о петрашевцах следующие слова:

В 1849 г. новая фаланга героических молодых людей отправилась в тюрьму. А оттуда на каторжные работы и в Сибирь. (Мы имеем в виду общество Петрашевского. У него собирались молодые люди, чтобы обсуждать социальные вопросы. Этот клуб существовал уже несколько лет, когда в начале венгерской компании, правительство решило объявить его широким заговором и усилило аресты. Оно нашло лишь мнения там, где искало преступный стовор, это не помешало ему осудить всех обвиняемых на смертную казнь, чтобы придать себе ореол Милосердия, царь заменил это наказание каторгой, ссылкой или солдатчиной. Среди осужденных называют Спешнева, Григорьева, Достоевского, Кашкина, Головинского, Момбели и других. — Прим. А. И. Герцена) [3, т. 7, с. 503] .

Ну и что Герцен себе присвоил? Да, его не выводили на Семеновский плац и не отправляли на каторгу и в солдаты, как Достоевского, ну так он нигде и не пишет об этом...

Как Герцен мнил себя Македонским (к вопросу о псевдониме Герцена)

Герцен: «фантазмагорически сознавал себя своего рода императором. Свое царское достоинство он обозначил псевдонимом — Искандер, т. е. Александр Македонский», пишет В. Кантор [9, с. 196]

Македонского на самом деле персы называли Искандером, но Искандер — это восточная огласовка имени Александр. То есть любого Александра на Востоке называли бы Искандером.

Следует отметить, что как политический ссыльный Герцен вынужден был взять псевдоним, ибо осужденным по политическим мотивам запрещалось выступать в печати под настоящим именем.

Хотя мотивация Герцена называться Искандером, можно предположить, была иной, намек на Александра Македонского, наверное, все же считывался в этом псевдониме некоторыми современниками. В частности, можно привести в пример отрывок из довольно бездарного стиха князя П. Вяземского, где он намекает на «военное происхождение» псевдонима [2, т. 12, с. 166]. Тем не менее, этих намеков слишком мало, чтобы без всяких оговорок утверждать, что Герцен взял псевдоним в честь Александра Македонского. Никаких источников, которые прямо бы указывали на этот факт, нет, по крайней мере, об этом не упоминает ни сам Герцен, ни его многочисленные исследователи.

Почему еще могла возникнуть подобная аллюзия? Во многом потому, что после начала выпуска «Колокола» известность Герцена многократно возросла. Герцен считался силой, королем, властью, ему прочили место диктатора России» [11, с. 315]. Говорили, что есть два Александра, один в Петербурге, второй в Лондоне. Знаменитый Ю. Айхенвальд писал о Герцене в 1927 г.: «Всегда блистательный и духовно-роскошный, князь эмиграции, властелин, которому недоставало только престола, Александр Великолепный, король в изгнании» [1, с. 517].

Герцен и Ротшильд

«Герцен не был родственником Ротшильда, как не был и другом барона. Более того — Герцен обманул банкира, всучив ему арестованные активы. И вот вместо того, чтобы просто потребовать деньги назад у лжеца Герцена, барон Ротшильд пригрозил бойкотом России со стороны международных финансовых институтов... Кто для барона Ротшильда важнее — мелкий вкладчик Герцен или Российская империя, крупнейший заемщик прошлого, настоящего и будущего? Ротшильд решил, что... Герцен. А вот почему Ротшильд так поступил, остается загадкой. Если, конечно, забыть, что через небольшой промежуток времени именно Герцен становится первым “профессиональным” борцом с Россией, начав выпускать в Лондоне первые антирусские издания. Причем, ровно накануне начала Крымской войны. Так он объявил войну своей Родине. От того то банкир Ротшильд так его и опекал. Их не связывало ничего, кроме планов разрушения России и тех тайных договоренностей, что между ними имелись», — обвиняет Н. Стариков [22].

«Тем временем, Н. Г. Чернышевский, при активной финансовой поддержке А. И. Герцена и Н. П. Огарева, которые сами находились на содержании английского клана Ротшильдов, занялся объединением радикальных сил, сочетая легальные и нелегальные методы борьбы», — поддерживает Старикова автор пятитомного учебника истории Е. Ю. Спицын [21, с. 273].

Эту историю сам Герцен рассказал в «Былом и думах», иронично назвав главу: «Банкир Николай Романов и император Джеймс Ротшильд» (эту же историю можно проследить по переписке Герцена [3, т. 23–24]). В 1847 г. Герцен покинул Россию, пока с целью лечения больной жены на водах (есть свидетельства, что он вовсе не собирался оставаться на Западе навсегда), а в 1848 г. в Европе происходит

революция, и царь Николай I (Царский манифест от 14 марта 1848 г.) повелевает всем вернуться обратно в Россию, Герцен не выполняет данное указание, опасаясь в т. ч. личных преследований по заведенному на него в Третьем отделении делу. Бутурлинский комитет, созданный в 1848 г., обнаружил революционный смысл в рассуждениях о действии и свободе в «Дилетантизме в науке», соответствующие номера «Отечественных записок» были изъяты из продажи. Похожая участь ждала роман «Кто виноват», который Дубельт, управляющий Третьим отделением, находил предосудительным. Уже после отъезда Герцена за границу в Третье отделение поступил донос, обличающий тайную революционную пропаганду в других произведениях автора (цит. по: [5, с. 102]).

Герцен познакомился с Ротшильдом в конце июня 1848 г., когда его финансовое положение стало неустойчивым. Он обращается к банкиру с предложением купить билеты Московского казначейства: он

разменял два билета московской сохранный казны» на невыгодных условиях и по плохому курсу, однако успел таким образом вывести остатки своего капитала из России до наложения запрещения на него. А в 1849 году царь накладывает секвестр на имение матери Герцена, который пытается спасти деньги, продает Ротшильду оставшиеся казначейские билеты, предупредив, что имущество его матери арестовано. Ротшильд взялся за это дело, сказав, что «не берет ответственность за результат и не хочет платить вперед [3, т. 23, с. 224–225].

Когда Ротшильду в выплате отказывают, Герцен пытается сыграть на самолюбии банкира. Он говорит, что деньги уже принадлежат Ротшильду и отказывают следовательно ему:

Для меня мало удивительного в том, что Николай, в наказание мне, хочет **стянуть** деньги моей матери или **меня поймать ими на удочку**; но я не мог себе представить, чтоб ваше имя имело так мало веса в России. Билеты ваши, а не моей матери <...> и вам-то **нагло** отвечают: «Деньги ваши, но **барин платить не велел**» [3, т. 10, с. 137].

Доводы подействовали, и Ротшильд пишет Николаю I, угрожая в частности, что может помешать получить займы, в которых Россия заинтересована и пытается сейчас оформить, и предлагает выплатить деньги, принадлежавшие матери Герцена, что вскоре и было сделано Николаем I. Победа одержана, и с тех пор Герцен с Ротшильдом были «в наилучших отношениях»: тот «любил <...> (в Герцене) поле сражения, на котором он побил Николая <...> и <...> несколько раз рассказывал <...> подробности дела, слегка улыбаясь, но великодушно щадя побитого противника» [3, т. 10, с. 140].

Действительно, хорошие отношения с Ротшильдом продлились почти 20 лет, Герцен с тех пор был постоянным клиентом его банка, (что, конечно, не означает, что Ротшильд каким-то образом спонсировал его деятельность).

А 18 декабря 1850 г. Петербургский уголовный суд постановил «подсудимого Герцена, лишив всех прав состояния, признать за вечного изгнанника из пределов Российского государства». Сравним: «Герцена часто называют изгнанником, но таковым он не был. Он именно эмигрировал, сумев остаться на Западе миллионером», — пишет В. Кантор [9, с. 285].

Герцен и Крымская война

«Мало кто сомневается в том, что призывы к поражению России в войне — предательство. Между тем, человек, страстно желавший победы врагу, до сих пор считается не только порядочным человеком, но даже гуманистом, патриотом и истинно русским интеллигентом», — пишет Н. Стариков [23, с. 35].

Как говорил Герцен, это даже не клевета, это просто неправда!

Вопреки распространенному мнению, Герцен никогда не занимал пораженческую позицию в Крымской войне, напротив, перед началом военных действий, он, как и многие тогда русские люди, был уверен в победе России. Если война будет, русская армия, категорически утверждает в этот момент Герцен, «выйдет победительницей» [3, т. 6, с. 233].

Стремясь обосновать свою веру в великое будущее России, Герцен ошибочно предполагал, что взятие Константинополя царскими войсками привело бы, в конечном счете, к краху самодержавия и явилось бы началом новой России, «началом славянской федерации, демократической и социальной», столицей которой должен был явиться Константинополь. Он высказывает предположение, что царизм доказал бы в этом случае свою полную неспособность справиться с задачей объединения славянских народов, что и обусловило бы его конец. С другой стороны, «варварство скипетра» с его «кровавой саблей» выдвигалось Герценом в качестве одной из сил, которая может быть «покончит» невыносимое положение Европы, явится толчком к грядущему перевороту [3, т. 5, с. 211].

В начале 1854 г. Герценом было написано самое важное из его политических сочинений периода Восточной войны, в котором он обобщил эти идеи. Это письма к радикальному английскому публицисту В. Линтону под заглавием «Старый мир и Россия», в которых Герцен высказывает идею о том, что Европа неспособна к социальному перевороту и русские должны помочь ей в этом, сыграв роль «новых варваров».

Письма Герцена к Линтону были приняты большинством европейского общественного мнения резко враждебно. Герцена обвиняли в проповеди панславизма, в том, что «Письма» написаны по наущению русской полиции [3, т. 25, с. 173], в том, что его панславистская пропаганда служит завоевательным планам царизма [3, т. 12, с. 216].

Во время Крымской войны Герцен никогда не призывал русских солдат сдаваться и гордился их подвигами, в статье «Америка и Сибирь», напечатанной в «Колоколе», он пишет:

Будь мы какое-нибудь несчастное племя, без будущности, то вероятно сломились бы. Но события обличают зародыш сильный и мощный. Не в Петербурге — там умирала старая Россия, маловерная, потерявшая голову при первой неудаче. Нет, он двинулся и заявил о себе в блиндажах Севастополя, на его стенах. Разве слабые народы дерутся так? [3, т. 13, с. 398]

Но в чем можно упрекнуть Герцена, так это в том, что в 1854 г. он печатает четыре прокламации В. А. Энгельсона. О первых трех прокламациях Герцен отозвался одобрительно, но с четвертой был категорически не согласен: «из ненависти к Николаю и хористам французской революции он [Энгельсон] переходил во враждебный стан» [3, т. 13, с. 68]. В последнем воззвании Энгельсон

касался вопроса об отношении, какое, с его точки зрения, народу следовало установить к неприятелю: «Царю плохо, нам хорошо. Чужеземные войска подходят к Русской земле проучить Николая», — писал он и находил, что русский народ должен себе сказать: «Враг моего врага — мне поневоле приятель».

Герцен доказывал Энгельсону, что «наше дело, наша сила — пропаганда и пропаганда, что мы падем нравственно, становясь по одну сторону с Наполеоном, и погубим себя в глазах России, делая общее дело с врагами ее» [3, т. 13, с. 612–613], но листовку напечатал: «Я не скрыл от него, что действие ее на русских будет прескверное и я не советую печатать. Энгельсон упрекнул меня в желании завести цензуру и говорил, что я, вероятно, устроил типографию исключительно для моих «бессмертных творений» [3, т. 13, с. 68].

Герцен и польское восстание

«Исследователь не может не отметить с чувством брезгливости первое проявление в 1863 году русского пораженчества. “Колокол”, издававшийся в Лондоне Герценом и проводивший русофобскую политику Foreign office’a, призывал Европу к походу на ненавистную Россию», — А. Керсновский [12, т. 2, с. 200].

«Когда начнется восстание в Польше, русских начнут там просто вырезать — герценовский «Колокол» полностью встанет на сторону поляков», — обвиняет Н. Стариков [23, с. 38].

В январе 1863 г. в Польше началось восстание. Дело осложнилось тем, что в самый разгар мятежа послы Англии, Франции и Австрии обращаются к русскому правительству с заявлением, что надеются на скорое дарование прочного мира польскому народу. Когда вместо этого русские войска приступают к жесткому наведению порядка, дипломатический шантаж повторяется вновь. Англия требует созыва международной конференции по польскому вопросу.

Данное обстоятельство и польский национализм вызвали консервативный поворот в настроениях публики, вокруг правительства сплотились все слои общества.

Герцен описал польские события 1863 г. в «Былом и думах», в главе «Михаил Бакунин и польское дело». Герцен и Огарев стремились всячески отсрочить восстание, которое, как они считали, могло навредить еще до конца не сформированной «Земле и воле». «Колокол», тем не менее, поддержал восставших, даже когда к концу года стало ясно, что они терпят поражение.

Почему Герцен поддержал Польшу? (Конечно, необходимо также учитывать личные и деловые обязательства, связывающие Герцена с польской эмиграцией, оказавшей ему большую помощь в деле организации Вольной русской типографии.)

Во-первых, потому, что был убежден, что Польша, как и другие страны, как и Россия, как и Венгрия, имеет право на независимость.

Во-вторых, в освобождении Польши Герцен видел крупнейший шаг к освобождению самой России. Издатели «Колокола» считали, что союз революционно настроенных офицеров с восставшей Польшей должен способствовать подъему русского освободительного движения. В обращении к офицерам говорилось:

Деятельный союз ваш с поляками не может ограничиться одним отторжением Польши от России; он должен стремиться к тому, чтоб это отторжение помогло в свою очередь нашему земскому переустройству <...> Земля крестьянам, само-бытность областям — на этом основании, и только на нем, может утвердиться деятельный союз ваш с польскими братьями [3, т. 16, с. 252–253].

В-третьих, Герцен и не мог отступить, поскольку добрая половина всей его энергии на Западе была потрачена на убеждение европейского общества в существовании отличной от «официальной», «другой России», выразителем которой он являлся в глазах Европы. Но 1863 г. продемонстрировал, что именно само общество придерживается тех взглядов, которые он сам постоянно осуждал как реакционные, причем придерживается с редким единодушием. «Эту ситуацию Герцен переживал как крушение дела всей жизни, утрату своего статуса в глазах Европы и надежд на Россию, когда те, кого он по-прежнему считал друзьями, заняли позицию, тождественную для него личной вражде, оцениваемую как моральная измена» [23, с. 80–81].

Поляки обманули Герцена, вскоре выяснилось, что польской шляхте нет никакого дела до крестьян, главная цель — это восстановление Польши в границах 1772 г. Не говоря уже о том, что восставшие не делали большой разницы между русским правительством и русским народом, к чему призывал Герцен.

В связи с этим Герцен в письме к Бакунину от 1 сентября 1863 г. написал, что польское дело — «не наше дело — хотя и правое относительно», что польский союз был невозможен. А в статье «М. Бакунин и польское дело» (1865) высказал мысль, что им было «что-то ошибочно сделано» [3, т. 11. с. 373].

Пожалуй, можно упрекнуть Герцена в том, что он тенденциозно освещал события, писал о зверствах русских, но не упоминал о жестокости поляков (он сам объяснял это так: «Никто не ценит мужества русских, так как дело их неправо» [3, т. 12, с. 202]), но он никогда не призывал Европу «к походу на ненавистную Россию».

Популярность «Колокола» резко упала, поток посетителей практически иссяк, от Герцена отвернулись некоторые из его друзей. «Земля и воля» практически прекратила свое существование. Тиражи «Колокола» резко упали и больше никогда не поднимались. Говорили, что Герцен заживо перенес свою политическую смерть. Русские еще приезжали к Герцену, но все чаще слышались упреки за поддержку Польши, он, по свидетельству Тучковой, «отвечал резко, что гуманность — его девиз, что он всегда будет на стороне слабого и что он не может ценой неправды купить сочувствие соотечественников» [3, т. 11. с. 369].

Во время польского восстания Герцен неоднократно обвинялся современниками в связях с британской разведкой, так в частности, Ф. И. Тютчев написал на Герцена эпиграмму, где назвал его «слугой влиятельных господ», современные исследователи повторяют эти намеки:

Темна история отношения Герцена с англичанами. Наверное, именно поэтому до сих пор [!] не обнаружена большая часть архива Герцена и Огарева. Кто-то упорно скрывает или уничтожает бумаги, связанные с их именами и газетой «Колокол». < ... > ...Загадочна и судьба так называемого архива Трюбнера. В по-

мещение, где хранился старый архив, во время последней войны попала бомба! В результате попадания необычно умной немецкой авиабомбы погибли все бумаги, относящиеся именно к XIX в. Есть более ранние, в порядке более поздние, а вот *нужные* все сгорели...

— отмечает Н. Стариков [22, с. 39].

Но, если нет никаких доказательств, то откуда берутся обвинения? Принцип презумпции невиновности уже не работает? Впрочем предоставим слово Александру Ивановичу: «Теперь, что вы там толкуете о моем союзе с Францией, с Наполеоном, с аристократической Англией; это будемте откровенны — такой вздор, что тут просто хочется хохотать...» [3, т. 17, с. 212]

Герцен и «призыв к топору»

Вне всякого сомнения, Герцен представлял себя революционером или, по крайней мере, сторонником революции. Также к нему относились и власти предрежущие. «Колокол» в одном из отчетов был назван «возмутительным листком», который проповедовал ниспровержение государственного порядка. В Лондоне Герцен установил отношения с различными революционерами, эмигрировавшими из разных европейских стран. Он дважды выступал на крупных митингах демократов (1853, 1855) в Лондоне как представитель русского революционного движения.

Но как далеко заходил революционный радикализм Герцена? Иными словами, предполагал ли он в т. ч. революционное насилие, т. е. пресловутый «призыв к топору»?

30 марта 1856 г. Александр II произнес речь перед представителями московского дворянства, в которой говорил о случаях неподчинения крестьян помещикам. Александр II еще не говорил об отмене крепостного права, но, что оно должно как-то измениться было очевидно, выступление завершалось известными словами: «Гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу» [20, с. 393]. Таким образом, Александр II сам задал подобную аргументацию: угроза революции представлялась как бы основной мотивацией необходимости реформы.

В царствование Александра такая риторика получила широкое распространение. Призывы к власти провести «реформу, чтобы предотвратить революцию» получили распространение в журналах тех лет. Эти настроения выразил, например, К. Д. Кавелин, писавший Б. Н. Чичерину: «Вы, я, все мы без исключения убеждены в том, что если правительство не проведет реформы мерами административными, то она свершится путем революции» [26, т. 1, с. 398].

В предисловии 1856 г. к своему тексту «Крещеная собственность» Герцен по существу воспроизводит ту же аргументацию:

Если ни правительство, ни помещики ничего не сделают, — сделает топор. Пусть и государь знает, что от него зависит, чтоб русский крестьянин не вынимал его из-за своего кушака [3, т. 12, с. 96].

Восшествие на престол Александра II пробудило у Герцена надежды на то, что новое правительство сможет произвести необходимые реформы.

Он полагал, что прогресс возможен и без кровавых потрясений, через преобразования сверху. В марте 1855 г. Герцен пишет письмо Александру I, которое вышло в первом номере «Полярной звезды», в нем он призывал императора отменить крепостное право и цензуру. Оправдывая свое обращение к царю, Герцен писал:

Нас упрекают в любви к кровавым средствам, в революционном дилетантизме, я хотел показать, что это несправедливо... что я со своей стороны готов был умолкнуть, если б Александр освободил крестьян с землею и дал бы свободу книгопечатания [3, т. 12, с. 455].

В ответе автору «Письма из провинции», подписавшемуся Русский человек, который критиковал Герцена за измену прежнему курсу и тоже требовал призыва к топору, 1 марта 1860 г. Герцен писал: «к топору», к этому *ultima ratio* притесненных мы звать не будем до тех пор, пока остается хоть одна разумная надежда на развязку без топора» [3, т. 14, с. 239].

Конечно, у Герцена можно найти и высказывания, где он казалось бы оправдывает насилие:

Страшна и пугачевщина, но, скажем откровенно, если освобождение крестьян не может быть куплено иначе, то и тогда оно не дорого куплено [3, т. 12, с. 83].

Но в конечном счете всё-таки надо признать, что прав был Нечаев, который говорил, что радикализм Герцена был теоретическим, на деле Герцен дистанцировался от реальных революционеров и созданных ими организаций, занимая позицию ироничного и скептического наблюдателя, например (по свидетельству лидера общества А. А. Слепцова) он не только не захотел возглавить «Землю и Волю», но даже отказался вступить в нее [11, с. 82–86]. Известно также, что революцию и социализм он считал делом неопределенного будущего, в отличие от Бакунина, Огарева и Нечаева, которые планировали крестьянское восстание в России на весну 1870 г.

Герцен и Нечаев

«Герцен поддержал молодых радикалов, вместо постепеновца Чернышевского, поддержал Нечаева», — пишет В. Кантор [9, с. 212].

По воспоминаниям современников Герцена известно, что Нечаева поддерживали Бакунин с Огаревым, сам Герцен считал деятельность Нечаева «положительно вредной и несвоевременной». Татьяна Пасек вспоминает:

Нечаев был до того антипатичен Герцену, что он постоянно отдалял его и никогда не допускал в свое семейство. Если же Нечаев появлялся у него в доме, то говорил своим: «Ступайте куда хотите — вам незачем видеть эту змею» [19, т. 1, с. 132].

Сам Нечаев о Герцене презрительно говорил:

Поколение, к которому принадлежал Герцен, было последним, заключительным явлением либеральничающего барства. Его теоретический радикализм был тепличным цветком, пышно распустившимся в искусственной температуре

обеспеченной жизни и быстро увядшим при соприкосновении с обыкновенным реальным воздухом практического дела [16, с. 295].

Герцен весь 1869 год сочиняет свои письма «К старому товарищу», нечто вроде завещания, наполненное банальностями в защиту цивилизованных норм, банальностями, которые надо было произнести бывшему идеологу колокольного звона, звавшего и будившего живых, а разбудившего нежить [9, с. 225].

На самом деле письма «К старому товарищу» — альтернатива нечаевской программе:

Дикие призывы к тому, чтобы закрыть книгу, оставить науку и идти на какой-то бессмысленный бой разрушения, принадлежат к самой неистовой демагогии и самой вредной... Нет, великие перевороты не делаются разнудыванием дурных страстей... [3, т. 20, кн. 2, с. 592].

Именно поэтому Нечаев так не хотел, чтобы эти письма, «наполненные банальностями», были напечатаны. Известно даже, что он испугался и стал угрожать дочери Герцена — Наталье Александровне, чтобы семья не печатала эти работы, иначе они будут действовать «менее деликатным образом», но сын Герцена — Александр Александрович, наоборот, постарался ускорить выпуск текста... Осенью 1870 г. в Женеве появилась книга: А. И. Герцен. «Сборник посмертных статей». Издание детей покойного. Там впервые были напечатаны главы из «Былого и дум» — «Молодая эмиграция», «Общий фонд», «Бакунин и польское дело» и «Письма к старому товарищу».

Заключение

Александр Иванович Герцен принадлежит к числу тех мыслителей, которые не нуждаются после смерти ни в избитых похвалах, ни в оправдании.

Жизнь таких людей — лучшая похвала и лучшее оправдание. Первый русский социалист, основоположник народничества, он основал Вольную русскую типографию и в течение семнадцати лет, вдвоем с Огарёвым, издавал произведения, которые оказывали огромное воздействие на формирование общественного мнения в России. Поэтому место, оставленное Герценом, осиротело надолго, а того значения, которое имел «Колокол», не будет иметь ни один печатный орган, какое бы он не имел радикальное направление.

Мировоззрение Александра Ивановича Герцена сформировалось в ту эпоху, которую П. Анненков потом гениально назовет «замечательным десятилетием», это 30–40-е гг. XIX века. Это была эпоха необыкновенного умственного подъема, когда в России появились люди, о которых потом Герцен будет говорить, что «мыслящий русский человек — самый независимый человек в мире», а Достоевский напишет о «русских мальчиках, которые решали мировые вопросы». Об этом необходимо помнить, когда мы задаем себе вопрос: чего не хватало сыну одного из богатейших дворян России и зачем он посвятил свою жизнь борьбе за свободу личности и освобождение народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей: в 2 т. — М., 1998. — Т. 2. — С. 208–213.
2. Вяземский П. А. Своим пером тупым и бурным // Полн. собр. соч. князя Вяземского: в 12 т. — СПб., 1896. — Т. 12. — С. 166–167.
3. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. — М.: 1954–1965.
4. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1873. (Вступление. Старые люди) // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л., 1980. — Т. 21. — С. 5–12.
5. Ильин А. А. История понятия «революция» у А. И. Герцена и М. А. Бакунина: дис. ... канд. ист. наук. — М., 2018. — 256 с.
6. Желвакова И. А. Герцен. — М., 2010. — 546 с.
7. Летопись жизни и творчества Герцена: в 5 кн. — М., 1974–1990. — Кн.1, 3, 4.
8. Кавелин К. Д. Письмо А. И. Герцену начало 1858 г. // Литературное наследство. — М., 1955. — Т. 62. — С. 385.
9. Кантор В. К. Изображая понимать, или *Sententia sensa*: философия в литературном тексте. — М.; СПб., 2018. — 826 с.
10. Катков М. Н. Заметка для издателя «Колокола» // Катков М. Идеология охранительства. — М., 2009. — С. 343–344.
11. Кельсиев В. И. Исповедь // Литературное наследство. — М., 1941. — Т. 41–42. — С. 312–328.
12. Керсновский А. А. История русской армии: в 4 т. — М., 1993. — Т. 2. — 334 с.
13. Малия М. Александр Герцен и рождение русского социализма. 1812–1855. — М., 2010. — 568 с.
14. Маслин М. А. Разноликость и единство русской философии. — СПб., 2017. — 526 с.
15. Молодая Россия // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / ред. Е. Л. Рудницкая. — М., 1997. — С. 149.
16. Нечаев С. Г. Община. Орган русских социалистов // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / ред. Е. Л. Рудницкая. — М., 1997. — С. 295.
17. Орлова Р. Д. Последний год жизни Герцена. New York, Chalidze Publications. — URL: <http://modernproblems.org.ru/capital/236–2013–11–16–10–58–34.html> (дата обращения: 30.01.2019).
18. Пассек Т. П. Из дальних лет. — М., 1963. — Т. 1. — 519 с.
19. Пассек Т. П. Из дальних лет. — М., 1963. — Т. 2. — 791 с. 20. Речь Александра II, произнесенная им 30 марта 1856 г. перед московским губернским и уездным представителями дворянства // Голос минувшего. — 1916, — № 5–6. — С. 393.
21. Спицын Е. Ю. Российская империя XVIII — начала XX вв.: полный курс истории для учителей, преподавателей и студентов: в 5 т. — М., 2015. — Т. 2. — 448 с.
22. Стариков. Н. Как Ротшильд шантажировал русского царя. — URL: <https://nstarikov.ru/blog/1829> (дата обращения: 13.01.2019).
23. Стариков. Н. Кто финансирует развал России. От декабристов до моджахедов. — СПб., 2014. — 288 с.
24. Тесля А. А. Герцен и славянофилы // Социологическое обозрение. — Т. 12, № 1. — М., 2013. — С. 80–81.
25. Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. — М., 1959. — 382 с.
26. Чичерин Б. Н. Воспоминания: в 2 т. — М., 2010. — Т. 1. — С. 391.